

Недалеко от Киева

Недалёко от города от Киева
А стоит ле триццетъ три богатыря.
А пасли-стерегли они да стольней Киев-град.
Во первы́х-от, у их был да стар козак,
Во-вторы́х, — у их Добрынюшка Микитич блад,
Во-третьи́х, — у ех Дунай да сын Иванович,
Во-четвёртих-то, — Самсон да сын Колыбанович,
А во пятых, — Олëshенька Попович блад,
Во шестых, — два брата да Долгополых,
Долгополы два брата полонённые.
Как инá братья вся была схожея.
Отаманом да был стар козак,
Податаманьём — Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
А во пóварах Самсон был да Колыбанович,
А во кóнюхах — Олëshенька Попович блад.
Поутру́-то, ле утру ле было рáному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъёме тут было да красна солнышка,
А старой-от козак пробуждаецца,
Ключевой водой да старóй умываетца,
Полотёнушком старóй обтираеццэ.
Одеваёт ступеньца на босú ногú,
Надевает кунью шубú на онно плечó,
Надёвает ле колпак на онно́ ухó,
А выходит старóй да вон на юлецю.
Как глядел-насмотрел на все стороны,
В мороку в туман и нынь худо видитцэ:
То ле летит блад ясén сокóл,
То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет винно собака потешаетцэ:
Впереди его, собаки, да бёжит серый волк,
Позади его, собаки, да звери всякии,
На правóм-то плечé сидит ясén сокóл,
На левóм-то плечé дак сидит бел кречёт.

Едет, винно, собака да потешаетцэ:
Подверьх он стрелочку постреливат,
Кабы на́ пол ту стрелку не юраниват,
Он в руки возьмёт — пламё мечетца,
А вокруг-то повернёт — искры сыплютцэ.
Кабы едёт собака да потешаитцэ:
На правóm-то колéни дер<жит> гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой лист.
На левом-то колени держит чернильницу,
Во рука́х-то держит перо ёрлиное,
Не того же орла да сизокрыло́го,
Да того ле орла сизокамельского,
А не тот был орёл — на лесу сидит,
А бы тот орёл — на корню сидит,
А гнездо-то он вьёт да на сёр камень,
Он бы пищу достават из синя́ моря.
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
«Я поеду, молодéць, да в стольней Киев-град,
Я поеду, молодець, да там поздороватьцэ.
Я силушку всю во гресь стопчу,
Я бы князя́ там Владимира под мечь склоню,
Я бы матушку кнегиню с собой возьму».
А пометыват ёрлык ко за́ставы,
А старóй-от берёт, во шатёр пошел,
Кабы будит дружину всю заговорьнюю:
«Вы встаньте-ко, дружина <заговорьяная>!
А будёт спать — ста́ла порá вставать,
Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай-ко, Дунай <сын> Иванович,
А цитай етот ёрлык да скорограмотку,
Ка' да щё у собаки есь написано,
Ка' да щё у собаки напечатано».
Как цитаёт Дунай сын, рассказывает:
«Я поеду, молодець, да в стольней Киев-град,
Я поеду, молодець, там да поздороватьцэ,
Я бы силушку хочу да всё во гресь стопчу,
Я кнезя ле Владимира под мечь склоню,
Кабы матушку кнегиню да то с собой возьму».
А на ето старóй да осержаетцэ,

Выбирать он стал, кого в сугон послать:
«А послать нам Олёшу Поповица —
А Олёша Поповичь роду невежлива,
А невежлива сам роду да не оцеслива,
Кабы роду-то Олёша поповьского.
А послать-то ле двух-то братьев Долгополых,
Долгополых-то братов полонённых же, —
А от не нашей земли они, неверьные,
А доспеют бы изменушку великую.
А послать ведь Добрынюшку Микитичя —
Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду, оцеслива».
А не видели поездки да молодецкое,
А увидели: Добрынюшка на коня скочил,
На коня-то он скочил да в струмена ступил.
А увидели: да во поле куревá стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валит.
Нагонил-натоптал скоро-наскоро:
«А какой же ты ле едешь богатырь же?
Если русской богатырь, то поворот даю,
Если не русской богатырь, да я напýс держу».

(Сзади хочет ехать.)

А на третье раз да как ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пустопёрая,
Да кака же сорока позагубиста?»
А оттуль же молодец поворот даёт.
Кабы даёт Добрынюшке по тяпышу,
А прибавил бы Добрыни по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот даёт.
А увидел старой казак Илья Муровец —
А бы едет Добрыня да не по-старому,
А сидит он на коне да не по-прежнему.
Осержаетцэ старой да сам срежаетцэ:
«Не сварить вам без меня пивна котла —
Привезу вам голову вам тотарьскую!»
Как отправилса старой казак Илья Муромец,
Нагонил-натоптал скоро-наскоро:
«Ты какой же нонь едешь за богатырь же?»

Есле русьской богатырь, да я поворот даю,
А не русьской богатырь, да я напұс возьму».
А на третье ле раз ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пусто<пёрая>,
Да кака летишь сорока да позагубиста?
Ты ницем зовешь нас, тридцеть богатырей!»
А оттуль молодець да поворот даёт.
Кабы съехались два удалых добрых м<олоцц>а,
Кабы секлись сабёльками острыми —
А сабёльки-те у их прищербалисе.
А тыкались копейцами бурзамеческими —
А копейца у их да извихалисе.
А соскакивали робята да со добрых коней,
А хватались робята да в охабоцьку,
Кабы биелись-боролись да трое суточьки —
А пробиели они до колен землю.
По бесчесью тут да по великому
У старого-то правá рука да промáхнулась,
А левá-то ногá да прокáтилась.
Кабы пал старой на матушку сыру́ землю.
А садился Соколик на белы́ груды́,
Он и хоцёт пороть да груди белые,
Он и хоцёт смотреть его ретиво́ серцьцё.
А взмолилса старой дак да Господу́ Богу:
«Пресвета ти ли мати Богородиця!
А стоел я за веру за Христовую,
Я держалса того креста распятого,
А ловыдала поганому Издолищу,
Ты повыдала ему дак на руганьице!»
У старого вдвоё да силы прибыло,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал-то Сокольника на матушку,
А на матушку метал его на сыру́ землю,
А садился ему он да на черны́ груды́.
Замахнулса пороть его черны́ груды́,
Посмотреть он хотел его <ретиво серцьцё> —
Застоялась у старого во плече рука.
«А скажи е-то удалой доброй молодець,
Откуль идёшь, да откуль едешь же,

Ты какого отца да какой матери?»
Говорил е удалой да добрый молодець:
«Не роздражай меня, удалого,
Ты пори скоро мои да гру́ди чёрные,
Посмотри моё ты ретиво́ серьцё».
Замахнулся старо́й дак во второ́й нако́н —
Застоелась у его дак во локтю рука́.
«Ты скажи-ко, удалой да доброй молодец!
Ты какого отца да какой матери?» —
«Я сидел когдэ у тя на белых грудях,
Я не спрашивал роду у тя, не племени,
Я отца не спрашивал, не матере,
Ты пори скоро да гру́ди чёрные,
Ты смотри моё да ретиво́ серьцё».
Замахнулсэ старо́й да во третей нако́н —
Застоелась у старо́го да в заведи рука.
«Ты скажи-ко, удалой доброй молодец,
Та какого отца да какой матери,
Ты откуль нонь идёшь да откуль правишь?» —
«Я иду, молодець, да от синя моря.
Кабы матушка моя да Златыгорка,
А З<латыгорк>а она да полениця же,
Полениця она да преюдалая».
А соскакиват старо́й да со черных грудей,
А хватал его, мо<лоцца>, за белы руки́,
Целовал бы его он в уста сахарные:
«А твоя ле мать блядка,
А бы то, молодець, есь ты выbleдок,
А любимой ты мой ноньце сын же веть.
Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
Привези матушку родимую,
Окрестим-приведём в веру Христовую,
А не будёт тебе в поле поединщика».
А разъехались удалы да добры молоццы,
А приехал как молодець ноньце к матушке:
«А ты ой еси, матушка родимая!
А бы ездил-ходиел во чистом поле.
Я бы видел собаку серу седатую,
Он зовёт тебя да, право, блядкой,

А меня-то кличет да выбледком». Говорит его ле матушка родимая: «Не пустым-то молодець похваляетцэ. Я <...> ле тут матушка родимая». Он хватил ле за косы женьские долгиа, А метал-то он ей о кирпичет пол, А давал он ей тут да скору смёрточку. Погонил на тот, право, белый шатёр, А бы ткнул копьём да во белый шатёр, Он бы ткнул старому во белые груди. У старого на груди был бы чуден крест, А попало ему, право, в чуден крест. Просыпаетцэ старой дак скоро-наскоро, Выбегаёт старой да вон на улецю, Он хватил Сокольника за буйную главу — Он оторвал да тут буйную главу, А бы туловище отвёз он во чистое поле, А бы воронам да на граеннице, А зверям бы его да на тасканнице.

(Зап. Астаховой А. М.: 21 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет, и Поздеева Михаила Алексеевича, 33 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.